

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.А. Гуторов, И.И. Гуляк

А. Д. ГРАДОВСКИЙ - УЧЕНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

В статье анализируются основные аспекты социологии и политической философии А. Д. Градовского — одного из наиболее выдающихся представителей русской общественной мысли второй половины XIX в. Центральной темой творчества Градовского является разработка концепции национального государства, которая была органически встроена в структуру оригинальной теории общественного прогресса, сформулированной им под влиянием реформ, проводимых в России Александром II и его правительством. Осуществляя в рамках этой теории синтез основных направлений и традиций западноевропейской и русской социально-политической мысли, Градовский стал признанным духовным лидером русского либерального консерватизма.

Изучение теоретического наследия прошлого как ключ к пониманию современных идейных коллизий является одним из важнейших принципов, завещанных нам социальной мыслью двух прошлых столетий. Наша задача состоит в том, чтобы не только осмыслить, но и переосмыслить общественно-политические, философские и государственно-правовые интерпретации прошлого и концепции общественного развития с позиции современных научных знаний, показать их социально-мировоззренческий смысл, истинную роль в общественной жизни. Реализация этой задачи имеет еще и методологически важное значение: позволяет учитывать опыт прошлого в процессе определения путей современного политического и социального развития России.

К началу XXI в. Россия, пройдя очередной виток исторической спирали и оказавшись в условиях жесточайшего кризиса, вновь встала пе-

ред необходимостью поиска собственной идентичности. Дважды за последние сто лет — в 1917 и на рубеже 1990-х гг. прошлого века, выбрав радикальный либеральный путь развития в качестве ориентира на будущее, страна откатывалась назад и оказывалась вынужденной вновь и вновь искать новые нетрадиционные пути догоняющей модернизации. Является ли либерализм причиной катастрофического варианта развития или же российская история вообще несовместима с либеральной парадигмой? Этот вопрос является сегодня одним из самых болезненных для российских интеллектуалов.

Следует все же признать, что вопрос, конечно, не связан исключительно с российскими реалиями. В 30–40-е гг. XX в. даже наиболее выдающиеся представители западноевропейской науки и социальные философы (напр., К. Маннгейм) открыто обвиняли либеральный режим Веймарской республики в том, что он проложил дорогу нацизму. Идентичность аргументов, приводимых противниками либерализма или же тех, кто в нем разочаровался, как бы подтверждает известный афоризм К. Леонтьева — охранение у всякой нации свое, а либерализм у всех один. Так ли это?

Современная отечественная политическая мысль выдвигает на первый план проблематику «национальной идеи», путей развития России в XXI в., гражданского общества и др. Особо актуальными представляются не столько идеи радикального переустройства общества, сколько проекты конструктивного социального созидания. В связи с этим на передний план выдвигается задача философского, историко-правового и политологического анализа становления и развития конституционных идей в России и их воплощения в социальную реальность. Проходившие в стране в последнее десятилетие XX в. реформы сделали особенно наглядным и очевидным сам факт невозможности слепого копирования западноевропейского и американского конституционного опыта без учета российских политических традиций, специфической национально-исторической судьбы русского народа и других народов, входивших в состав таких огромных имперских образований, какими были Российская империя и СССР. Осуществление на практике индивидуальных свобод, гарантируемых властью, формирование политического плюрализма, религиозной терпимости, а также реализация ключевых конституционных принципов — разделение властей, создание механизма сдержек и противовесов, обеспечение децентрализации и самоуправления на местах и единства управления в рамках федеративного государства требуют диалектического научного подхода, сочетающего понимание специфики современного российского социально-политического процесса с внимательным, вдумчивым изучением предшествующей философско-политической традиции.

Чрезвычайно актуальным в этой связи является анализ истории и традиций русской либеральной философии вообще и ее специфического направления — либерального консерватизма в частности. В ряду ученых таких блестящих представителей этого направления как К.Д. Каве-

лин, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, особое место занимает творчество Александра Дмитриевича Градовского (1841–1889) — выдающегося правоведа, социолога и политического философа, являвшегося одной из наиболее ярких фигур российской интеллектуальной жизни и политики второй половины XIX в. С именем А.Д. Градовского связана одна из самых творческих попыток синтеза русской и западной либеральной традиций, проявившегося в создании оригинальных либерально-консервативных версий философии истории и философии права. Следствием такого синтеза стала также разработка принципиально новой концепции реформ российского имперского государства, открыто и целенаправленно противостоявшей как реакционному монархизму, так и различным направлениям революционного социализма. Его идейное наследие стало одним из тех ключевых направлений общественной мысли в России, в котором сконцентрирован опыт формирования правового конституционного государства на основе единства сильной центральной власти и разнообразных традиционных и принципиально новых форм народного самоуправления.

Имя А.Д. Градовского, широко известное научным кругам и всему русскому образованному обществу в 60–80-е гг. прошлого века (об этом свидетельствуют и изданные А.А. Шахматовым девять томов его сочинений)*, со временем было почти забыто. Автор глубоких исследований по истории русского права, блестящий публицист, достойный оппонент Ф.М. Достоевского и оригинальный политический мыслитель по определенному стечению обстоятельств в течение почти столетия находился в тени других имен, по праву составляющих гордость русской социальной мысли, юридической науки и политической философии.

Эта прискорбная тенденция возникла уже в дореволюционный период, в частности, при обсуждении вопроса о генезисе русской социологической мысли, а после 1917 г. вполне естественно и закономерно была продолжена вплоть до недавнего времени. Например, рассматривая в своем «Введении в изучение социологии» ряд этапов прогрессирующего влияния социологического направления, связанного с именем О. Конта, на развитие государственоведения в России, Н.И. Кареев считал исходным моментом начала этого влияния опубликование докторской диссертации В.И. Сергеевича «Задача и метода государственных наук» (1871), переходя в дальнейшем к более подробному анализу взглядов М.М. Ковалевского, Н.А. Зверева, Б.Н. Чичерина, С.М. Муромцева и Н.М. Коркунова (см. [2, с. 156]; ср. [3, с. IV]).

Между тем, отчетливые следы влияния западной социологической традиции просматриваются уже в оригинальном анализе А.Д. Градовским в 1867 г. социальной философии Ф. Бюше [1, т. 3, с. 3–132]. Уже в этот период к Градовскому вполне могли относиться, например, такие замечания, сделанные Кареевым о методологии Ковалевского: «Социологии, как

*Все ссылки на работы А.Д. Градовского приводятся по данному изданию собрания сочинений [1].

абстрактной науке, недостает, по его мнению, прочного фундамента конкретных фактов, установленных этнографией и историей. Признавая самостоятельность социологии и считая ее задачей чисто теоретической (хотя чреватую последствиями и для практики), он отдает в ней предпочтение историческому направлению перед философским» [2, с. 157].

Воистину нет пророков в своем отечестве! Даже после того, как в 90-е гг. прошлого века в работах отечественных исследователей вклад Градовского в становление русской социологии стал считаться вполне бесспорным [4, с. 46; 5, с. 64], в первом же появившемся в посткоммунистической России сборнике его работ, изданном с грубейшими ошибками, сфера интересов выдающегося русского мыслителя вновь была ограничена политической философией и государствоведением [6, с. 3]. Между тем еще в 1965 г. немецкий ученый К. фон Бейме в книге «Политическая социология в царской России» на основе анализа критики Градовским теории ранних славянофилов с полным основанием причислял последнего к русским социологам [7, S. 150; 8; 9].

Александр Дмитриевич Градовский родился 13 декабря 1841 г. в Воронежской губернии, в семье мелкого помещика, который на юге России был известен как селитрозаводчик [10, с. 157]. Скончался он на 48-м году жизни, 6 ноября 1889 г., в Санкт-Петербурге. Его короткая жизнь, не насыщенная внешними событиями, была целиком посвящена научной и публицистической работе. Ее богатство и разносторонность, а также значительное воздействие на современников, по существу обусловлены следующими двумя мотивами.

Будучи гимназистом в Харькове, 14-летний Градовский пережил поражение России в крымской войне, которая, по мнению В. Филиппа высказанному в работе «Восхождение России к мировой державе. 1815-1914», «потрясла и ослабила аристократию, открыла для общества возможность политического сотрудничества и открыла Россию для капитализма и индустриализма» [11, S. 186]. Когда Градовский учился на юридическом факультете Харьковского университета (1858–1862 гг.), было положено начало великим реформам Александра II, вызвавшим у Градовского духовный подъем и в дальнейшем вдохновлявшим его на протяжении всей творческой деятельности.

Первым научным трудом Градовского была кандидатская работа, написанная в 1862 г. под руководством профессора Д.И. Каченовского в Харьковском университете. Это сочинение под названием «Очерк истории общин во Франции» свидетельствует о том интересе, который испытывал молодой ученый на ранних этапах своей творческой деятельности к французской истории [12, с. IV]. Причиной подобного интереса к Франции являлось огромное влияние, которое оказала Великая французская революция 1789 г. на последующую европейскую историю. Градовский неоднократно подчеркивал всемирное значение французской революции. Так, например, он считал, как и большинство его современников, что введение конституционных учреждений в Европе является следствием революции. Более того, он отмечал, что это событие не утратило своего влия-

ния на европейские общества до настоящего времени. «Не только политические, но и религиозные, экономические, общественные понятия и стремления новейшего времени ведут свое начало от переворота, совершившегося в конце XVIII в.» [1, т. IV, с. 383]. Однако он отмечал и отрицательные стороны революции. Террор в ходе Великой французской революции, равно как и революционное движение в Европе XIX в., пугали Градовского и служили побудительным мотивом для теоретического неприятия революционного пути общественных преобразований. Во всяком случае, на протяжении всей своей жизни русский ученый решительно выступал против любого революционного изменения в обществе. В работе «Что такое консерватизм?» он достаточно четко формулирует свою позицию как по отношению к реформам, так и к революции в целом. Являясь убежденным сторонником эволюционной формы прогресса, Градовский не мог не отрицать революционного пути, видя в нем только разрушающее начало. Такая позиция в дальнейшем определила пафос всех его работ, затрагивающих эти вопросы.

После окончания Харьковского университета (1862 г.) Градовский занимал некоторое время должность редактора «Харьковских губернских ведомостей», а также редактировал листок «Харьков», выходивший в виде приложения. В качестве редактора этого провинциального органа он старался оживить его содержание посредством обсуждения общественных интересов и прежде всего новых реформ. Однако с января 1863 г. Градовский становится чиновником канцелярии харьковского губернатора, а с мая 1864 г. — старшим чиновником особых поручений при воронежском губернаторе. Итак, до начала научной и преподавательской деятельности Градовскому пришлось жить и работать в провинции, где он непосредственно знакомится с местными учреждениями и их организацией. Проблемы провинции, организация ее управления и самоуправления настолько начинают его интересовать*, что становятся неотъемлемой частью его творческой деятельности на протяжении всей жизни. Этим вопросам посвящены многие страницы его сочинений.

Немаловажным фактом для понимания сложного творческого пути Градовского является перелом, произошедший в 1864–1865 гг. как во внешней его жизни, так и во внутренней. В Воронеже, вдали от университета, от привычной ему научной атмосферы университетского города, он почувствовал внутренний разлад с самим собой, ярко отразившийся в относящихся к тому времени письмах [12, с. VI–VII]. По мнению А.А. Шахматова, этот разлад был прямым следствием сознания некоторой оторванности от почвы, которое не покидало чиновника для особых поручений, еще недавно мечтавшего о научной карьере. Он носил в себе ту болезнь, которую сам впоследствии определил, как последнее слово западничества, как последнее выражение идейной эмиграции в область «всеевропейского» [12, с. VI]. И только преобразования Александра II,

* Уже тогда обнаруживается непосредственное влияние на него теории государственного самоуправления Р. Гнейста [13, с. 206].

как считал Градовский, возвратили отечество многим людям, до тех пор уходившим в себя и стоявшим в стороне; они принесли первые средства для врачевания той тяжелой болезни, последним симптомом которой был нигилизм. Таким образом, воронежская жизнь, а также настроение, охватившее большую часть русского общества после польского восстания 1863 г., оказали непосредственное влияние на перелом во взглядах Градовского в период 1864–1865 гг.

Оглядываясь на прошлое из 1880 г., будучи уже именитым профессором, Градовский признается, что воспитательная роль реформ Александра II имела на него большое воздействие. Идеи великого дела реформ помогли ему преодолеть жизненный кризис 1864–1865 гг., чувство ненужности, чувство ощущения себя лишним человеком [12, с. VI–VII]. Вскоре он возвратился к своему давнему намерению посвятить свою жизнь науке и выработал в свои 24 года довольно стройный жизненный план. Еще Н.М. Коркунов в 1889 г., указывая на стройность и цельность оставленного Градовским научного наследия, отмечал: «Словно с самого начала он составил себе определенный план работы на всю свою жизнь» [13, с. 208].

Осенью 1865 г. Градовский приезжает в Санкт-Петербург имея намерение сдать магистерский экзамен и писать диссертацию. С этой целью он обращается к профессору полицейского права Петербургского университета И.Е. Андреевскому. Вот что пишет Андреевский о первом впечатлении от знакомства с Градовским: «Меня пленила в нем пылкость, энергия и острота ума, а равно вера в великие реформы того чудного времени, желание не быть праздным зрителем поражавшего всех подъема русского общества, желавшего действовать и работать» [14, с. 90]. Реформами 1863 г. был определен общий устав университетов, который давал всем шести тогдашним университетам Российской империи некоторые свободы, самоуправление и право приема студентов из различных слоев общества, равно как и право введения определенных изменений в структуру учебных курсов по некоторым областям знания. Андреевский искал многообещающего кандидата на занятие должности заведующего вновь созданной кафедры русского государственного права в Санкт-Петербургском университете. Как он сам писал впоследствии, с первой встречи с Градовским он увидел в нем подходящую кандидатуру [Там же, с. 90–92]. Заручившись поддержкой профессора Андреевского, Градовский весной 1866 г. с успехом выдержал магистерский экзамен, а 8 ноября того же года защитил магистерскую диссертацию на тему «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры» [1, т. I, с. 37–297]. Выраженные здесь философско-исторические воззрения ориентированы на взгляды К.Д. Кавелина, с которым Градовский имел дружеские отношения*. После

* Это выявляется из семи собственноручно написанных писем Градовского К.Д. Кавелину (ИРЛИ. Ф. 20 428/СХХХХХ. Т. 16. Архив К.Д. Кавелина). А.Ф. Кони также упоминает о влиянии Кавелина на Градовского [15, с. 31].

защиты Градовский единогласно был избран штатным доцентом юридического факультета С.-Петербургского университета. В 1869 г. он становится ординарным профессором университета, а также ординарным профессором Императорского Александровского лицея, где он преподавал с января 1867 г. В университете Градовский читал всеобщее государственное право, государственное право важнейших европейских держав и государственное право Российской империи.

В течение трех лет после защиты магистерской диссертации, несмотря на преподавательскую деятельность в университете и лицее, Градовский обогатил отечественную науку целым рядом интереснейших исследований. К их числу относятся: разбор книги Б.Н. Чичерина «О народном представительстве» [16, № 8, с. 717–748; № 9, с. 287–315], критический отзыв о книге Ф. Бюше*. Этому отзыву Градовский придал характер самостоятельного исследования. В трудах французского политического мыслителя он нашел много общего с собственными взглядами, воззрениями на государство и общество, прогресс и порядок. Вследствие этого рассмотрение учения Бюше привело его к изложению и своих мыслей, вызвало ряд любопытных отступлений, в которых молодой профессор государственного права высказался по волновавшим его вопросам религиозной и общественной нравственности, государственной политики, народного самосознания. Их позиции сближало также и критическое отношение к формам политической жизни Западной Европы. Источником такого отношения Градовского к Западу было, конечно, учение славянофилов. Он, например, противопоставляет православие католицизму и протестантизму, причем характеристика последнего сильно напоминает богословские статьи А.С. Хомякова; разъясняет значение общинной формы землевладения, выступает против введения конституционных форм и парламентаризма.

В дальнейшем (конец 1867 г. и первая половина 1868 г.) Градовский усиленно работает над докторской диссертацией, которую защищает 29 сентября 1868 г. под названием «История местного управления в России» [1, т. II, с. 1–488]. В качестве предмета исследования он избрал историю русской губернии с целью выяснить вопрос о русском местном управлении и роли земства. Важно отметить, что в этом труде Градовского земские учреждения, введенные Положением 1864 г., нашли своего ревностного защитника. Так, в первой части диссертации, названной им «Государство и провинция», он доказывает, что вопрос о провинции поставлен в России (и Пруссии) правильнее, чем в других европейских государствах. Весь ход рассуждений, который привел его к такому утверждению, дает основание рассматривать диссертацию (особенно, первую ее часть) как одну из первых попыток общего определения государственного права на основании русского государственного устройства.

Во второй части диссертации Градовский противопоставляет административную и сословную историю России Западной Европе и объясняет,

* Градовский А.Д. Политические теории XIX столетия. I: Государство и прогресс: По поводу книги Бюше [17, с. 965–1031].

почему в России под влиянием свободы мирно совершается величайшая реформа, стоившая Западу столько крови. На Западе крепостное право было уничтожено много веков назад, однако тем сильнее личная свобода крестьянства заставляла его ощущать привилегированное положение высших классов. В России личной свободе крестьянства соответствуют более широкие права, которые, как считает Градовский, приведут к полному слиянию земских классов.

Диссертация Градовского вызвала возмущение в органах печати прогрессивного направления; появились резкие отзывы в «Деле» и «Отечественных записках». В апологии Градовского земства авторы этих отзывов усматривали квиетизм самобытника, пренебрежение к выработанным Западной Европой формам политической свободы, к тем учреждениям, которые могут служить гарантией свободного развития гражданской личности [12, с. XVII]. Нападки на автора обострились отчасти и под влиянием его резких выпадов против «отрицательного» направления, господствовавшего в отечественной литературе, против увлечения политическими учреждениями Запада, против непризнания права на самобытное развитие России. В «Истории местного управления» особенно тяжелое впечатление на противников Градовского произвело то место в заключительной части введения, где автор утверждал, что дарование земских учреждений западным окраинам России может повредить ее государственному единству [1, т. II, с. 112-113]. Градовского поспешно зачислили в лагерь реакционеров, проповедников антипрогрессивных идей, врагов политической свободы.

В конце 1860-х годов завершился юношеский период деятельности Градовского. За то небольшое время, которое он пребывал в Петербурге, им сделано так много, что можно только восхищаться его работоспособностью и талантом. Молодой Градовский отразил в своей деятельности настроение породившей его эпохи.

В сборнике «Политика, история и администрация» [18] Градовский сводит воедино многие сочинения, написанные им в период с 1867 по 1870 г. Когда эти, проникнутые духом реформ, работы были изданы в 1871 г., уже усилилась реакция; реформы были приостановлены, после того как 4 апреля 1866 г. Д.В. Каракозовым было совершено покушение на Александра II. Вскоре после первых правительственных актов, свидетельствовавших о перемене настроения в правящих сферах, настало время испытаний и для Градовского: ему захотелось оглянуться назад, оценить пройденный путь, пересмотреть некоторые свои идеи. Из-за этой переоценки, которая, конечно, происходила нелегко, прежнее направление его теории не могло не измениться: преобразовательное начало взяло верх над охранительным и направило Градовского на борьбу с реакцией. Однако им не были отвергнуты все прежние положительные идеи: развивая их, Градовский выдвигает на передний план новую идею — идею «народности».

В последующий период Градовский обращается к исследованию национального вопроса. В течение трех лет он отдает ему большую часть

своего времени, не оставляя преподавательской работы. Главная поставленная им задача — выявление взаимосвязи национальной идеи с духом проводимых в России реформ. Итогом этих исследований было опубликование в 1873 г. сборника статей Градовского, озаглавленного «Национальный вопрос в истории и литературе» [1, т. VI, с. 3–224]. В него вошли такие содержательные статьи и лекции как «Постановка национального вопроса по отношению его к политике» [Там же, с. 7–27], «Современные воззрения на государство и национальность» [Там же, с. 28–106], «Возрождение Германии и Фихте Старший» [Там же, с. 107–159], «Первые славянофилы» [Там же, с. 160–224]. В сборнике представление о государстве как «орудии прогресса» органически соединяется с национальной идеей, в результате чего рождается идея «национально-прогрессивного государства». Идея «народности», по мысли автора, находит свое воплощение в национально-прогрессивном государстве, которое одно только может создать все необходимые условия для реализации ее позитивного содержания на практике. Таким образом, тесная взаимосвязь двух главных идей этого сборника станет в дальнейшем объектом исследования всей последующей творческой деятельности Градовского.

1870-е и начало 80-х гг. могут считаться высшим расцветом его научного, публицистического таланта и литературной деятельности. Научное наследие, оставленное Градовским, очень значительно. Среди всех этих произведений центральное место занимают, бесспорно, его «Начала русского государственного права». Позднее Н.М. Коркунов отметит, что «Начала...» Градовского «не только огромный труд, плод долгой, кропотливой работы — это, можно сказать, великий подвиг. Чтобы приняться за такое дело, нужна необыкновенная любовь и способность к научной работе; чтобы успеть в нем, нужен крупный, выдающийся талант. А успех оказался несомненный» [13, с. 209]. В этой работе содержится апологетика самодержавной монархии. Градовский исходит из того, что русской монархии присуща строгая законность, составляющая основной принцип всей ее организации. Более того, он считает, что законность составляет историческую традицию русского государства: в России издавна нормой управления и суда признавался писанный закон. В этом принципе законности Градовский усматривает «правомерный характер русского государственного устройства», его отличие от «форм произвольных, деспотических» [1, т. VII, с. 3–7]. В целом Коркунов дает следующую характеристику этой работе: «Как первая, действительная научная обработка русского государственного права, "Начала" не только заслонили собою всю предшествовавшую литературу, но и служат основой для последующих работ. Все появившиеся с тех пор курсы государственного права опираются на созданное Градовским» [13, с. 211].

Не оставляя научной деятельности, Градовский, как уже отмечалось выше, с начала 70-х гг. становится весьма влиятельным публицистом. Одним из основных пунктов в мирозерцании Градовского как публициста была неразделимость личных и общественных идеалов, идеалов

личного и общественного совершенствования. Публицистические его статьи были настолько превосходными и актуальными, что не могли не быть замечены общественностью. Обсуждая стремление правительства осуществить некоторые изменения и дополнения в законах о печати, Градовский публикует в «Судебном вестнике» три статьи под общим названием «По поводу пересмотра наших законов о печати» [19, № 247, 13 нояб.; № 248, 14 нояб.; № 249, 15 нояб.]. Этими статьями он привлек к себе внимание как правительственных кругов, так и редакции влиятельной и популярной либеральной газеты «Голос» [12, с. XXIII], с которой в дальнейшем активно сотрудничал, используя ее в качестве своей трибуны вплоть до закрытия «Голоса» правительством в 1884 г. С редакцией его объединяли не какие-нибудь партийные интересы или общая политическая программа, а приверженность идее реформ.

Если с редакцией «Голоса» Градовский был связан идеей реформ, то разрабатываемая им национальная идея, идея народности и национально-прогрессивного государства сближала его с публицистами другого лагеря. Критическое преодоление политической философии «старого славянофильства» было тем исходным моментом, который способствовал дальнейшей эволюции его мировоззрения.

Необходимо отметить, что подобный же процесс переживали в то время многие русские мыслители, придерживающиеся в той или иной степени славянофильского учения. По мнению Градовского, первые представители славянофильства и их противники стояли на одной почве. Именно она служила тем основанием, которое приводило обе теории к крайностям в суждениях. Критикуя крайности обоих течений, Градовский предлагает снести «старых борцов на одно кладбище» и поставить над ними общий крест [1, т. VI, с. 170]. Далее Градовский высказывает своего рода провиденциальную мысль, которую, по его мнению, необходимо помнить всегда: «покойники возвращаются, пока бродят по свету другие покойники — их старые враги» [Там же]. Смысл этого афоризма состоит в том, что до тех пор, пока будет возобновляться идея о «единой, всеспасающей цивилизации», а славянофильство и связанные с этим направлением национальные устремления будут подвергаться критике, до тех пор будут возобновляться размышления о «гниении Запада» и «призвании славянства». Одновременно, отбрасывая крайности, вытекавшие из метафизики славянофильства и западничества, Градовский видел в первом зародыш подлинной национальной теории. Появившись как реакция против безусловного космополитизма, славянофильство неминуемо должно было прийти к признанию национального принципа. В этом заключалось, по его мнению, огромное преимущество славянофильства перед западничеством, поскольку последнее не могло в большинстве случаев изменить своего направления и оставалось на почве чистого космополитизма [Там же, с. 171]

В результате успешного развития «положительной философии», т.е. позитивизма, и ее победы над гегелевской и шеллингианской метафизикой славянофильство должно было видоизмениться в главных своих ос-

нованиях. Сама жизнь разрушала политическую утопию Гегеля, выдвигая не только в Германии, но и в других государствах Европы на первый план национальный вопрос. Каждый народ мог претендовать на звание представителя абсолюта, и таким образом идея всемирно-исторического единства уступила место идее об отдельных народностях. Градовский в статье «Политическая философия Гегеля» [1, т. III, с. 271–310] полностью порывает с метафизическим мировоззрением. Однако окончательный удар старому славянофильству был нанесен в 1869 г. Н.Я. Данилевским, опубликовавшим сочинение «Россия и Европа».

Учитывая, что Градовский в 60-х гг. находился под влиянием славянофильских идей, можно предположить, что он должен был испытать на себе нанесенный Данилевским удар не в меньшей степени, чем другие. Близкое знакомство с Данилевским и его последователем Н.Н. Страховым, давало возможность ему, во время их встреч, обсуждать те положения, которые не соответствовали убеждениям молодого ученого-правоведа. Шахматов описывая эти встречи*, указывал, что Данилевский, во время своих частых посещений Петербурга, навещал семью Градовских, а Страхов в те годы был в числе постоянных посетителей гостеприимного семейства. Здесь, в тесном кругу, иногда с участием К.Д. Кавелина, происходили горячие споры по основным вопросам русского мирозерцания. Западник и сторонник теории родового быта Кавелин спорил с Данилевским о задачах человеческой цивилизации и о национальном принципе, с Градовским — о тех началах и элементах, которые лежали в основании истории русского народа. Но Градовский выступал на стороне Кавелина тогда, когда речь заходила об общих для всего человечества приобретениях в области идей и принципов общественной и государственной жизни. В позиции Данилевского Градовского настораживало слишком смелое перенесение методов естественных наук в область наук общественных. Такой подход неизбежно, с присущей ему внутренней логикой приводил Данилевского к сухому, рациональному, прагматическому взгляду на политику, который в истории получил название «макиавеллизм».

Теоретические исследования по национальному вопросу и его историческому развитию в Западной Европе и России совпали с высшим моментом национального воодушевления Градовского, вызванного восстанием балканских народов против турецкого господства и последо-

* [1, т. III, с. XXV] Б.Б. Глинский, в свою очередь, также указывает на то, что «на этих встречах... можно было встретить Н.Я. Данилевского, Н.Н. Страхова, Н.П. Семенова и многих других, вовсе не принадлежащих к тем литературным органам, в которых писал Градовский... оттого-то и были так живы и интересны его воскресные вечера на Васильевском острове, где много и горячо спорили Данилевский с Кавелиным — оба близкие друзья покойного Градовского, но всегда диаметрально расхоdivшиеся в своих взглядах. На этих вечерах были славянофилы и западники, консерваторы и либералы, профессора и журналисты, иногда показывались такие люди, как М.Г. Черняев, М.Д. Сколебеv и... А.И. Кошелев... Бывал у Градовского, приезжая в Петербург, и М.Н. Катков...» [10, с. 166–167].

вавшей за этим войной между Россией и Турцией в 1877–1878 гг. Градовский с самого начала выступил в поддержку балканских народов и оправдывал войну против Турции. Это обстоятельство еще теснее сближало его с кружками, образовавшимися на почве славянофильского учения. Его возмущало равнодушие великих европейских держав к судьбе балканских народностей, он сожалел о непонимании некоторыми представителями отечественных правящих кругов национальных задач России, требовавших ее вмешательства в турецко-славянский конфликт. Такое настроение Градовского вызвало сначала охлаждение отношений, а впоследствии временный разрыв с редакцией «Голоса». В этот период ему были ближе по духу члены славянского комитета и горячие речи Миллера в Петербурге и Аксакова в Москве, чем петербургские «миролюбцы» и дипломатические соображения «Голоса». Большую часть своих статей в это время Градовский отдает в «Санкт-Петербургские ведомости». Однако когда в середине 1877 г., скорбя о погибших, Градовский написал: «Теперь, перед этой кровью, народной кровью, льющейся и на Дунае, и в Малой Азии, всякое различие направлений должно исчезнуть» [1, т. VI, с. 535] — произошло примирение с «Голосом».

В последующие три года, с конца 1878 до марта 1881 г., Градовский достигает вершины своего творчества. В это время он пишет большую часть своих публицистических работ. В его многочисленных статьях всесторонне освещаются все вопросы, которыми жило русское общество. Любой вопрос он подвергает тщательному анализу с точки зрения ясно осознаваемых принципов права и задач внутренней политики. Вследствие этого различные вопросы общественной и государственной жизни выступали в изложении Градовского в виде логической цепи, все звенья которой находятся во взаимосвязи. Из-под его пера выходят не только статьи, публикуемые в газетах, но и такие обширные исследования, как «Социализм на Западе Европы и в России» [1, т. III, с. 377–492], «Прошедшее и настоящее» [1, т. VI, с. 273–308], «Надежды и разочарования» [Там же, с. 315–352], «Реформы и народность» [Там же, с. 353–374], «Что такое консерватизм» [Там же, т. III, с. 313–346].

Рост революционного движения в России увеличивал число «отрицателей» реформ, считавших своим долгом стать на защиту общественного порядка и государственного строя. Отсюда возникновение нового раскола в русском обществе: сторонники «правительства» становились отрицателями великих преобразований. В сложившейся ситуации политика охранителей приобретала все более и более реакционный характер. Дух реформ, обновления уступал понемногу место сначала духу отрицания, а потом пересмотра всего того, что было сделано с 1861 г.

Главная причина преобладания тогда в России обоих крайних течений — революционного и реакционного — по убеждению Градовского заключалась в неорганизованности «средних людей», неподготовленности их к политической жизни. Поэтому одну из задач своей публицистической деятельности Градовский видел в укреплении здравых полити-

ческих понятий у русской интеллигенции как умственного ядра «среднего класса». Из статей, помещенных в «Голосе», в которых Градовский критикует крайние политические воззрения и дает разъяснение тех понятий, которые считает необходимым привить русскому обществу, наибольший интерес представляют следующие: «Письмо г. Каткову» [20, 1879, № 82], «Задача русской молодежи» [Там же, № 211], «Семя плевел» [Там же, № 239], «Смута» [Там же, 1880, № 45] и нек. др.

Особенно широкий резонанс в обществе вызвала его статья «Задача русской молодежи», в которой утверждалось, что «задача учащейся молодежи состоит в увеличении русской интеллигенции». Эта идея Градовского критиковалась как слева (например, в статье А. Горшкова «Медовый месяц либерализма»), так и справа (в частности в письме К.П. Победоносцева Ф.М. Достоевскому*, отвечая на которое Достоевский из Эмса писал: «Я слишком понимаю почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имел своими последними статьями такой огромный успех у наших европейцев: в том-то и дело, что он все лекарства всем современным ужасам нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе» [22, с. 246]).

В эти трудные годы Градовский как никогда прежде точно и ясно обрисовал свои идеалы и свою политическую веру. Если сравнить эти идеалы с идеалами, вдохновлявшими его в более ранние периоды деятельности, то неизбежно обнаружится, что они остались почти тождественными. Он по-прежнему верит в историческое призвание царской власти в России. С идеей царя Градовский напрямую связывает идею реформ, поступательного движения. Он глубоко убежден в том, что никакая перемена в государственной жизни России не будет иметь силы, если она не исходит от верховной власти, так как только ей одной верит народ, поскольку в течение четырехсот лет у него не было основания верить чему-нибудь другому. По этому поводу он писал: «Все действующее мимо царя или против него всегда будет подозрительно в глазах народа, и он всегда готов будет обрушиться на своевольных реформаторов. Т.о., функции развития, прогресса существенным образом связываются с понятием о царе» [20, 1878, № 118]. Отсюда Градовский делает вывод о том, что русский либерализм «является одной из достойнейших форм служения России и государю», ибо «русские либералы» стремятся «упрочить и применить не по букве только, но и по духу учреждения, признанные полезными верховной властью и исключительно ею созданные, по ее свободному почину» [Там же, 1880, № 45].

В этих словах находим подтверждение того, что Градовский сам себя причислял к «русским либералам». В русском либерализме Градовский видел то направление русской политической мысли, которое одно дела-

* К.П. Победоносцев по этому поводу писал: «Профессор не нашел лучшего наставления, как сказать студентам: вы должны быть, вы будете нашей интеллигенцией. А что такое интеллигенция — спросите-ка его самого, и их — что они пойдут городить. Итак, чтобы вывести из одного тумана, напускается другой. Слепец слепца ведет и оба в яму впадут» [21, с. 141–142].

ет плодотворным стремление власти двигать Россию вперед, а также способствует укреплению внутреннего единства государства. Внутренне единство, на его взгляд, может быть скреплено созданием крепкой национальности. Но, как доказывал Градовский, развитая национальность предполагает свободу составляющих ее личностей. Освобождение личности, создание гражданственности и правовых отношений, обеспечение юридической и экономической свободы — столь же неотложная для русской власти задача, как и забота об охране единства и целостности государства, тех устоев, на которых основывались его рост и благополучие. Ни та, ни другая задача не могут быть чужды русскому человеку.

Эти рассуждения Градовского проясняют то кажущееся противоречие в его убеждениях, которое неоднократно отмечали как его друзья, так и противники. Первоначально в союзе с охранителями он выступал сторонником национальной политики России, защищая ее интересы как во внутренней, так и во внешней сферах. Однако аргументы, на которые он опирался в своих суждениях, отличались от тех, которые использовали охранители. Градовский никогда не забывал об интересах человеческой личности. Напротив, он прикладывал все усилия к выяснению взаимоотношения между личностью и государством, личностью человеческой и «личностью» народной. Национальность и государство — это те явления, развитие которых, по его мнению, обеспечивает лучшую реализацию и защиту прав личности. В реформах Александра II он видел не только укрепление национального единства России и оживление нравственных и материальных сил народа, но и стремление обеспечить личность и общество гражданскими правами. Этим объясняется — почему одновременно с работами по национальному вопросу, патриотическими статьями он пишет статьи о свободе печати, о податной реформе, об университетском уставе, о земском самоуправлении.

Итак, главное отличие мировоззрения Градовского начала и конца 70-х гг. сводилось к соотношению русской жизни и западноевропейской. Это отличие объясняется, скорее, различными настроениями Градовского, чем изменением его убеждений. Имея много общего с первыми славянофилами, он никогда не отрицал необходимости заимствования из западноевропейской жизни того, что имеет общечеловеческий характер. В итоге, направление деятельности Градовского в конце 70-х гг. постепенно переходит из национально-преобразовательного в освободительно-преобразовательное.

После того как в феврале 1880 г. была учреждена Верховная распорядительная комиссия под председательством графа М.Т. Лорис-Меликова, целью которой являлось охранение государственного порядка и общественного спокойствия, а также возвращение к осуществлению и развитию реформ Александра II, Градовский почувствовал сильный подъем духа, толкавший его на плодотворную работу. Он пишет ряд статей, касающихся «организационных работ», которые предстоит осуществить правительству. Среди этих статей есть и такие, в которых указывается желательное направление внутренней политики, а также разбираются отдельные законодательные и общественные вопросы.

Общие задачи внутренней политики Градовский обсуждает в трех статьях, напечатанных в мае 1880 г., под названием «Итоги» [20, 1880, № 144, 147, 151]. Он доказывает в них, что свобода печати, свобода совести, свобода передвижения и равенство в податях, самостоятельность церкви, независимость суда и возможность защиты своего права совместимы с неограниченной монархией. Почти все эти вопросы государственной и общественной жизни становятся затем предметом обсуждения в отдельных его статьях, например, «Свобода совести» [Там же, № 127], а также ряде статей о свободе печати [Там же, № 104, 180, 181, 216, 277, 289, 300, 301, 312, 314, 331], «Паспортный вопрос» [23, 1880, нояб., с. 263–295].

Он также пишет статьи, в которых высказывает мнение о необходимости преобразования государственных учреждений. К ним относятся следующие: «Третьему Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии» [20, 1880. № 65], «Комитет Министров» [1, т. VIII, с. 519–524], «Государственный Совет» [Там же, с. 513–518], «Первый департамент Правительствующего Сената» [Там же, с. 525–530].

Помимо центральных учреждений объектом внимания Градовского остаются вопросы местного управления. В статье «По поводу пересмотра крестьянских учреждений» [20, 1881, № 60] он высказывается о том, что крестьянское самоуправление не нуждается в особой, специально для него установленной опеке, так как, по его мнению, система опеки, начиная с 1831 по 1881 г., имела самые печальные результаты. Особый интерес представляет исследование Градовского «Переустройство нашего местного управления» [1, т. VIII, с. 531–563], состоящее из четырех обширных статей, опубликованных в конце января 1881 г. В нем русский ученый дает обстоятельную характеристику современной организации губернии и уезда, основанную на глубоко научном, историческом изучении учреждений. Помимо этого он предлагает свой проект переустройства уезда, считая необходимым приступить к преобразованию местного управления именно с уезда, а не с губернии.

В 1882 г. Градовский вновь обращается к проблеме местного самоуправления, в связи с работой Кахановской комиссии, которой было поручено преобразование отечественных местных учреждений. В статье «Всесословная мелкая единица» [1, т. VIII, с. 564–575] он подчеркивает необходимость взаимосвязи всех государственных институтов и важность проблемы децентрализации управления и усиления земства.

В том же 1882 г., в связи с усилением цензурных ограничений в условиях реакции, Градовский пытается защитить свободу печати посредством специального закона. Он в целом ряде статей высказывается за пересмотр законов о печати, имея ввиду определение ее законных прав и ответственности по суду [20, 1882, № 47, 71, 233, 256, 258, 270, 320; 1883, № 15]*.

* Собранные вместе, они изданы Шахматовым [24].

Непрерывный прогресс национального земского развития с правом свободного обсуждения и руководством интеллигенцией, как представительницей стремлений и желаний страны — таков его идеал, горячо и настойчиво проповедуемый в статьях 80-х гг. Такая политическая ориентация Градовского критиковалась московскими публицистами — М.Н. Катковым и А.С. Аксаковым, а также Ф.М. Достоевским.

Аксаков считал, что в национально-прогрессивном государстве Градовского слишком много отводится места «государственности», внешней законности в ущерб живому народному организму и его внутренней правде. Он опасался также, как бы с усилением интеллигенции народу не были навязаны чуждые его духу начала западной жизни, как бы государство не приобрело бюрократической окраски, как бы над народом не была установлена опека высших слоев, а сам народ не был сведен к роли пассивной и безличной массы.

Несмотря на то что Аксаков до конца 70-х гг. считал Градовского человеком, принадлежащим к одному с ним направлению, между ними разгорается полемика. Она послужила началом полного их расхождения во взглядах и убеждениях. В статьях «Не архитектуры, а жизни» [1, т. VI, с. 401–411], «Славянофильская теория государства» [Там же, с. 412–423], «Мечтания самобытника» [Там же, с. 441–447], «О пессимизме» [Там же, с. 448–453] Градовский, полемизируя с Аксаковым, называет главной его ошибкой неумение или нежелание отделить значимые для всех начала национального движения, связанного с освободительной политикой Александра II, от старых веяний, сходящих со сцены и не имеющих уже жизненной силы. Однако полемика с Аксаковым, какой бы ни была она резкой по форме, не мешала Градовскому испытывать к нему симпатию и уважение. Более того, и Градовский, и Аксаков в завязавшейся оживленной переписке делали попытки взаимного сближения*. Но в результате катастрофы 1 марта 1881 г. возможность сближения была утрачена навсегда.

Не менее ярким событием того времени была полемика Градовского с Достоевским. Ф.М. Достоевский произнес на Пушкинском празднике в 1880 г. свою знаменитую речь, в которой выразил сущность своего мировоззрения, дал свое исповедание веры. Раскрывая сущность русского народного духа Достоевский говорил о том, что нравственные идеалы не зависят от экономической силы и от форм гражданского быта. Источник нравственного совершенствования он видел только в самом человеке; правду человек может найти только в себе самом, «подчинив себя себе» [25, с. 139]. По Достоевскому, идеал русского народа — это вера, смирение и труд. Русский народ мог и может проявить свои высокие стремления и при несовершенном гражданском устройстве и при нищете экономической. Крепкому, духовно единому организму русско-

* К сожалению, установлено только одно из писем Градовского к Аксакову (ИРЛИ. Ф.3. Оп. 4. Ед. хр. 166. Архив Аксаковых С.Т., К.С. и И.О.) — это письмо 1881 г. и оно подтверждено свидетельством Шахматова (см. [12, с. LXXVII]).

го народа он противопоставляет Европу, где «накоплено столько богатств, ... все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков... И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения, ибо в <один миг исчезнет и богатство>». Между прочим, интеллигенция, по его мнению, «именно на этот подкопанный и зараженный их гражданский строй и указывает народу нашему как на идеал, к которому он должен стремиться, и лишь по достижении им этого идеала осмелится пролепетать свое какое-либо слово Европе» [25, с. 132].

Естественно, что эти обвинения в адрес интеллигенции не могли не задеть Градовского. Он в сдержанной, осторожной форме в статье «Мечты и действительность» [1, т. VI, с. 375–383] высказывает не только свое недоумение, но и существенные возражения на этот счет. Приведя цитату из речи Достоевского о необходимости искать правду внутри себя, Градовский заявлял: «В этих строках г. Достоевский выразил "святая святых" своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора "Братьев Карамазовых". В этих словах заключен великий религиозный идеал, мощная проповедь личной нравственности, но нет и намека на идеалы общественные» [Там же, с. 379]. По его мнению, «никакое общественное совершенствование не может быть достигнуто только через улучшение личных качеств людей, составляющих общество... Улучшение людей в смысле общественном не может быть произведено только работой "над собой" и "смирением себя"... В весьма великой степени общественное совершенствование людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» [Там же, с. 380]. Упрекая Достоевского в идеализации «народной правды», воспринятой как «нечто готовое, незыблемое и вековечное», Градовский писал, что «общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтобы сделаться достойным имени великого народа. Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем, чтоб он мог требовать себе поклонения...» [Там же, с. 381].

Достоевский в ответ написал статью «Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне господином А. Градовским» [2 6], в которой обвинил Градовского в защите западных общественных учреждений и назвал его «отвлеченным докторинером», который принял «комедию буржуазного единения... за нормальную форму человеческого единения на земле» [25, с. 168–169].

Без всякого сомнения, эта полемика была настолько захватывающей и содержательной, что по праву ее считали одним из самых крупных событий в идейной жизни 80-х гг. П.Д. Голохвастов в письме к Н.Н. Страхову по этому поводу писал: «Ведь эта схватка с Градовским чуть ли не такое же событие, как и Речь его» [27, с. 519]. В заключение следует добавить, что общественное мнение раскололось на два лагеря. Достоевского поддержали — газета «Новое время» [28] (ст. «Профессор Градовский и Достоевский»), И.С. Аксаков и О.Ф. Миллер [27, с. 512–515;

29, с. 1–40], Градовского — К.Д. Кавелин и, отчасти, Н.К. Михайловский [30, с. 431–456; 31, с. 124–140; 32, с. 242–265]. Написанный самим Градовским «Ответ г. Достоевскому» (ИРЛИ. Ф. 86) так и не был опубликован, поскольку он боялся обидеть писателя новой статьей. В частном письме от 21 августа 1880 г. он прямо говорит, что «Дневник» Достоевского слишком личен и ему пришлось бы отвечать лично же, но во избежание этого он решил поднять некоторый общий вопрос [12, с. LXXVI]. Поэтому его статьи «Тревожный вопрос» [1, т. VI, с. 384–393], «Либерализм и западничество» [Там же, с. 394–400] и «По поводу одного предисловия (Н. Страхов. "Борьба с Западом в нашей литературе")» [Там же, с. 424–440] следует рассматривать как непосредственное продолжение той же темы об отношении русского общества, русской интеллигенции к народу.

В это же самое время Градовский приобретает определенное влияние в правительственных кругах. Шахматов, отмечая этот факт, пишет: «С Н.С. Абазой его связывали близкие и дружественные отношения. В августе 1880 г. он познакомился с Н.Х. Бунге. В июле того же года он вошел в личные сношения с гр. Лорис-Меликовым, который выразил желание с ним повидаться. С тех пор Градовскому приходилось нередко бывать у Лорис-Меликова и, конечно, беседы их вертелись вокруг злобы дня, вокруг тех организационных работ, которые намерено было предпринять правительство» [12, с. LXXVIII]. Шахматов также передает пространное предположение о том, что Градовский был автором проекта конституции, которую хотел провести гр. Лорис-Меликов. Однако у него есть доказательства, что эти предположения не были безосновательными: «До нас дошла "Записка", — пишет он, — представленная Градовским правительству в марте 1881 года. В ней начертана весьма определенная программа, не нуждающаяся даже в комментариях...» [Там же]. Кроме того, есть указание также на то, что Градовский принимал участие в редактировании проекта болгарской конституции 1879 г., который, по представлению официальной России того времени, «выглядел ошеломляюще либеральным» и послужил основой «Конституции Тырново»*, а также участвовал в железнодорожной комиссии под председательством графа Е.Т. Баранова.

Очевидно, что при этих обстоятельствах, катастрофа 1 марта 1881 г., потрясла Градовского лично. Спустя некоторое время после этого трагического события он в статье «Наши язвы» [20, 1881. № 194, 198] настаивает на необходимости завершения начатых Александром II общественных преобразований, ненормальный ход которых доказывается такими

* См. [33, S. 265, 266]. Проект конституции был апробирован комиссией при II Отделении Собственной Его Величества канцелярии. В эту комиссию входили, кроме председателя, князя С.Н. Урусова, еще статс-секретарь Ф.А. Брун, вице-директор азиатского департамента министерства иностранных дел А.А. Мельников и профессор государственного права Петербургского университета А.Д. Градовский (см. [34, с. 523]). В письме к А.Ф. Кони Лорис-Меликов называет Градовского даже в качестве автора болгарской конституции (см. [35, с. 36]).

симптомами, как нигилизм, социализм и анархизм. Однако дальнейшее развитие событий не вселяло в Градовского больших надежд на решение этой задачи. Катастрофа 1881 г. обострила и без того нелегкие отношения в обществе; она стала началом возникновения всеобщей атмосферы подозрительности и обвинений, которую он назвал «смутой». Этим понятием обозначается то печальное для него направление, которое призывало правительство на отчаянную борьбу с печатью и университетами, с «Западом» и «Востоком», с русскими инородцами и инородными русскими, с молодежью и просвещением вообще и т. д., и т. п. «Эту бестолковую и вредную работу, — писал Градовский, — мы называли смутой, искусственно плодящей недовольство» [21, 1882. № 94]. В связи с этим ему пришлось отказаться от многих знакомств, разойтись с некоторыми близкими и преданными друзьями (например, с Н. Страховым), а также порвать связи с различными литературными кружками и редакциями (например, летом 1881 г. с редакцией «Русской речи»). В условиях все усиливающейся реакции Градовский вступает в борьбу с охранителями, противопоставляя идее «твердой власти» требование «правового порядка» [Там же, № 167, 298].

Градовский в те немногие годы, которые ему еще оставались, посвятил фактически все свои силы профессорской деятельности и петербургской студенческой молодежи. Не только юристы, но и слушатели других факультетов посещали его лекции в университете [36, с. 20]. На экзаменах по юридическим дисциплинам он предъявлял высокие требования; был требователен и к самому себе. «Как лектор, — говорится в некрологе, — он являл идеал строгого, точного и блестящего изложения науки о праве. Достаточно сказать, что он с самого начала профессорской деятельности и вплоть до самого конца, никогда не читал по старым конспектам, а ежегодно вновь писал весь курс своих лекций» [37].

Итогом этой интенсивной работы являются не университетские учебники, а научные произведения, которые заложили фундамент самостоятельной русской науки о государственном праве.

После выхода в 1875 г. первого тома его «Начал русского государственного права» он издает второй том в 1876 г. в первой, в 1881 г. во второй и, наконец, в 1887 г. в третьей, улучшенной редакции. Из обширного плана третьего тома «Начал» Градовский смог подготовить только «Введение» и первую часть о местных институтах государственного управления и о дворянстве, опубликовав эти материалы в издательстве М.М. Стасюлевича.

Свои лекции о «Государственном праве важнейших европейских держав» Градовский лишь частично переработал в научную монографию. В 1886 г. появился первый том из запланированного четырехтомного труда. Вторая часть осталась незавершенной; она была опубликована только посмертно в 1895 г. под редакцией Н.М. Коркунова.

Безусловно, в последние годы жизни Градовский поставил в центр своей деятельности научную работу. Однако Шахматов, исходя из своего знакомства с наследием Градовского, сообщает о многочисленных на-

бросках и отрывках, неоконченных статьях, в которых Градовский даже и в эти годы комментировал внутривосточное развитие России. Несмотря на его успешную деятельность в университете и счастливую семейную жизнь, усиливались душевные страдания Градовского, не в последнюю очередь из-за гнета кажущегося беспросветным периода реакции во внутренней политике при Александре III. Во всяком случае, так полагали его друзья [12, с. CVI]. В начале 1889 г. он отказался из-за своей болезни от лекций в университете и в Александровском лицее и уехал для лечения со своей семьей в окрестности Гейдельберга. После возвращения в Санкт-Петербург он умер 6 ноября 1889 г.

Официально Градовский за несколько недель до своей смерти 18 сентября 1889 г. был удостоен звания Почетного члена Санкт-Петербургского университета.

Одна из чрезвычайно ценных и плодотворных особенностей творчества Градовского заключалась в том, что его теоретический подход к решению проблемы соотношения государства и общества всегда опирался на прочный фундамент его собственных исторических изысканий. Другой, не менее ценной особенностью, было умение русского ученого, не поступаясь ни в чем научностью, развивать и пропагандировать реформаторские идеи в духе тех преобразований, которые начали осуществляться в России в эпоху Александра II.

Эти особенности ярко проявились уже в магистерской диссертации, защищенной Градовским в 1866 г. под руководством проф. Андреевского*, имевшей название «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры». Первоначально молодой ученый ставил перед собой задачу дать очерк всей системы управления в России за этот период, но в дальнейшем решил остановиться на институте генерал-прокуроров, поскольку именно эта должность представлялась ему наиболее репрезентативной для тогдашней системы управления. Однако несмотря на такое тематическое ограничение цель, которую он преследовал, была весьма актуальной. Рассмотрев эволюцию управления в XVII в. на основе приказной системы, Градовский дает подробный анализ реформы управления, осуществленной Петром I, выделяя в ее рамках два принципиально различных этапа. С 1714 г., ознакомившись с прекрасно функционирующей на практике системой государственной организации Швеции (см. также [1, т. I, с. 86–101]), бывшей в то время главным политическим соперником России, а также под влиянием теории государства Лейбница [Там же, с. 101–105] русский самодержец захотел ввести децентрализованное управление и принцип коллегиальной ответственности, сформировав их с российскими условиями. Тем самым мог быть пресечен

* Кандидатская диссертация А.Д. Градовского «Очерк истории общин во Франции», защищенная в Харькове под руководством проф. Д.И. Каченовского, не была опубликована. Проф. Каченовский был выдающимся специалистом в области европейского государственного права. Именно ему посвятил свою книгу по истории права во Франции выдающийся русский социолог М.М. Ковалевский после своего возвращения в Россию в 1876 г. (см. [38, т. 2, с. 352–355]).

постоянный произвол воевод и беспрестанное соперничество приказов в провинциях*. Тем не менее, в последующий период Петр I по тем же причинам в ходе своей реформаторской деятельности вновь вернулся к принципу персональной ответственности. Дело в том, что Северная война способствовала выдвижению многих способных людей из провинции, а возраставшие задачи контроля над управленческой верхушкой наилучшим образом обеспечивались аппаратом фиска и вновь учрежденной должностью генерал-прокурора.

После смерти Петра эта должность оказалась жертвой двух взаимоисключающих тенденций: первая стремилась к восстановлению персонального характера высшего управления, что, в частности, выразилось в создании верховного тайного совета; вторая тенденция привела к засилью иностранцев при Анне Иоанновне, правивших через созданный кабинет министров. Только для осуществления судебной власти сохранился коллегиальный принцип в рамках сената, в то время как вся непосредственная власть концентрировалась в руках немногих членов кабинета министров. Царица Елизавета, по мнению Градовского, жила на переломе двух эпох: с одной стороны, произошел возврат к методам правления, когда наиболее важные управленческие функции оказались сосредоточенными в сенате, с другой стороны, — служилое сословие во всех областях империи настолько возросло в численном отношении, что уже могло с успехом отстаивать свои интересы перед обеими столицами.

При Екатерине II, как полагал Градовский, государственное образование русского народа завершается [1, т. I, с. 294]. Именно при ней были сделаны первые шаги, связанные с введением в Российской империи гражданских свобод. Первым актом «раскрепощения» [Там же, с. 294] стал указ 1785 г., освобождавший дворянство от государственной службы. В результате этого события возникли новые политические задачи, осуществить которые становится возможным новому поколению эпохи царствования Александра II. Вместо государственного принуждения основной целью административного управления становится всеобщее благо в современном смысле этого слова.

Уже в этом раннем сочинении мы можем наблюдать стремление молодого ученого к «всеобщему благу» во вполне либеральном смысле, поскольку это стремление открыто противопоставлено принуждению, характерному для «полицейского государства». Одновременно «общество» воспринимается как относительно молодое явление и рассматривается в противопоставлении социальным структурам прежнего государства. Именно в этом смысле Екатерине II приписывается создание «общественности» [Там же, с. 294] в том смысле, что с ее именем связано изменение направления управленческой деятельности от полностью оправданной в прошлом централизации в сторону провинции, чем были созданы очаги самоуправления, из которых в дальнейшем и выросло земство.

* О приказной системе см. подробнее [39, с. 72 сл.].

Этой тенденции к децентрализации противостоит формирование столичной бюрократии как нового класса [1, т. I, 294 сл.]. Из должности генерал-прокурора постепенно возник институт министра, поскольку именно вокруг этого поста на протяжении правлений Екатерины II, Павла I и Александра I формировались те сферы управленческой деятельности, которые помогли окончательно восторжествовать принципу личной ответственности. Для молодого Градовского и эта тема, и остальной, собранный им материал из российской истории XVIII и XIX вв., призваны подтвердить основной вывод — прогрессирующее освобождение всех «политических сословий» от традиций московского периода, которое находит завершение в реформах Александра II. В конце работы он выделяет три «основные элемента», или института ранней российской политической истории — общину, дружину и князя, которым в Московском царстве соответствовали крестьянство, служилые люди и царь. В современный период, когда освобождение сословий завершено, а гражданские свободы гарантированы, Россия, по мнению Градовского, сохранила три традиционных института в обновленном виде — крестьянские общины и землевладельцы оказались тесно взаимосвязанными в структуре «земского строя», над которым возвышается «особа великого земского царя» [Там же, с. 295].

Рисуя отдающую утопизмом историческую панораму, Градовский, к тому же, берет на себя роль идеолога «нового дворянства». В дальнейшем он сам скептически относился к тому избытку воодушевления, которое у него вызвали реформы 60-х гг. И тем не менее, эта работа двадцатипятилетнего ученого, содержащая богатый исторический материал, является ценным источником, характеризующим круг интересов и общую направленность его социально-политических идей.

Докторская диссертация Градовского «История местного управления в России» [Там же, т. II, с. 1–492] также была подчинена задаче историко-юридического обоснования той же самой воодушевлявшей его политической идеи, но на более обширном материале. Сам процесс защиты диссертации, равно как и ее содержание, приобрели широкую известность, прежде всего потому, что вызвали бурю негодования в печатных органах прогрессивного направления.

Первоначально Градовский (до покушения Каракозова, до возобновившейся правительственной реакции) был глубоко убежден в ценности и осуществимости реформ Александра II, воспринимая их подчас некритически. Никогда не будучи «самобытником», он стремился найти реальную альтернативу бесполезной, с его точки зрения, политической борьбе.

Исследованию местного управления в допетровской России XVI и XVII вв. автором была предпослана обширная вводная часть под названием «Государство и провинция», в которой систематически анализировались особенности отношений между центральной и местной администрацией. Принципиальную роль в этом введении играет заимствованное

Градовским у А. де Токвиля* разделение между «правительственной централизацией» (*Centralisation gouvernementale*) и «административной централизацией» (*Centralisation administrative*). Градовский подтверждает принципиальное значение правительственной централизации вообще и для России в частности, поскольку она усиливает государство и во внешней сфере и во внутренней. Вместе с тем он выступает за такой тип административной децентрализации, который возникает «органически», т.е. в результате длительного исторического развития. Такой тип децентрализации был осуществлен в Пруссии и России в противоположность Франции, разделенной в годы революции на департаменты. Этот вопрос обсуждается в диссертации с привлечением обширной западной литературы. Свою концепцию самоуправления Градовский развивал, опираясь на работы таких авторитетных немецких юристов, как Р. Моль, Ф. Шталь, Р. Гнейст, Л. Штейн с использованием также французских социальных мыслителей, прежде всего Монтескье, Токвиля, Швейяра, Батби, Дюпон-Уайта и др. В основе этой концепции лежит тезис, согласно которому любое разделение государства на провинции или аналогичные образования должно быть постепенным и осуществляться в ходе медленного исторического развития от небольших объединений к национальному государству. Этому учит исторический опыт, начиная с Древней Греции.

Выгоды политической централизации Градовский рассматривает, прежде всего, с точки зрения той силы, которую дает единство. В то же самое время, существенные недостатки административной централизации, проявляющиеся в государственной опеке, приводят в конечном итоге к параличу личной и общественной инициативы. Градовский высказывает убежденность в том, что правительство должно предоставить местному управлению пространство свободной инициативы, поскольку рискует потерять престиж в локальных сообществах в результате несанкционированных действий удаленных от центра местных властей, которые невозможно контролировать.

По его мнению, организация сил общества всегда полезна и необходима в качестве противовеса всегда возможному произволу децентрализованных органов управления, ибо без «самостоятельности общества» самостоятельность управления не может привести к сколько-нибудь обнадеживающим результатам [1, т. II, с. 21]. Когда Градовский подчеркивал, что не может быть и речи о каком-либо противопоставлении личных прав государственной власти, что политическое благоразумие нации не может допустить какой-либо политической самостоятельности провинции, он стоял на позиции старых русских либералов, возлагавших надежды на позитивные результаты созданных с соизволения царя земств. Эти замечания вполне могли быть связаны с актуальной в то время проблемой политических прав.

* Градовский пользовался одним из лучших французских изданий Токвиля из тех, которые были опубликованы при жизни автора [40].

Свое понимание личных прав Градовский подробно изложил уже в 1869 г. в подробнейшей рецензии на работы классика западноевропейского либерализма Б. Константа [1, т. III, с. 133–268]. В современной ему России он видел все предпосылки для развития личных или гражданских свобод, которые должны поддерживать и тем самым усиливать государственную власть, даровавшую эти свободы.

Когда Градовский рассматривает вопрос о самоуправлении на основе земства, то деление государства на департаменты как во Франции или на губернии как в России представляет для него совсем другую проблему. Как уже отмечалось выше, структуры самоуправления, по его мнению, должны вырасти «органически», т.е. опираться на длительный исторический опыт самоорганизации. Последнюю проблему он рассматривает с двух сторон: во-первых, по видимости нейтральное изучение общества и его сословных и местных структур никогда не должно отодвигать на задний план ту мысль, что фактически любое центральное правительство, будь это даже институт царской власти, всегда, в большинстве своих элементов и связей является только побочным продуктом порождающего его общества; во-вторых, нередко простая целесообразность побуждает любое правительство при разделении страны на провинции опираться на исторически развившиеся структуры, до тех пор пока оно не решит окончательно уничтожить эти общественные объединения на основе новых принципов (например, деление страны на департаменты в период французской революции). Ведь государство состоит не только «из бесформенной массы граждан» [Там же, т. II, с. 36]. Основной недостаток французского опыта решения этой проблемы — отбрасывание любых промежуточных этапов объединения между индивидом и государством [Там же, с. 35].

Хотя Градовский, по всей видимости, испытал влияние аргументации «Общественного договора» Руссо [41, S. 172 ff.; 43, S. 115 ff.], идеи, выраженные им в предисловии к своей докторской диссертации, имели, конечно, сугубо современное звучание. На примере современной Франции он критиковал бюрократию, появление которой рассматривает не как причину, а как следствие упадка свободы и нравственного чувства [1, т. II, с. 53]. Бюрократия столь сильна во Франции именно потому, что общественные объединения в ряду жизненных организмов столь слабы. Как ученый и политический мыслитель Градовский боролся с этой тенденцией, доказывая, что причиной такого упадка является индивидуализация всех национальных сил и интересов. Тем самым он выступает против основного принципа французской либеральной школы. Индивидуализм во Франции теснейшим образом связан с осуществленной там централизацией управления, в основе которой лежало стремление связать правительство с каждым отдельным гражданином.

Либерально-консервативная философия А.Д. Градовского во многих своих аспектах имела практическую направленность, связанную с его стремлением разработать всесторонне обоснованную концепцию дальнейшего развития реформ в имперской России. По его глубокому убеж-

дению реформы могли успешно осуществляться только при условии создания адекватной правовой системы. В свою очередь, модернизация монархических институтов была невозможна без дальнейшей систематизации российского права. Оптимальной основой для такой модернизации являлся творческий теоретический синтез русского права с западноевропейскими правовыми идеями и концепциями. Речь, конечно, шла не о фундаментальном изменении основных законов Российской империи, но именно о таком теоретическом синтезе, который открывал непосредственную возможность эволюции монархии в направлении создания конституционного строя.

Непосредственными примерами такого рода эволюции были Германия и Франция. В обеих странах модернизация правовой системы была связана так или иначе с переосмыслением традиции римского права. Во Франции принятие в 1804 г. наполеоновского кодекса юридически закрепило результаты революции, начисто уничтожившей «старый порядок». Французская правовая система оказалась в равной степени пригодной как для монархического, так и для республиканского режимов. Не случайным поэтому было то обстоятельство, что, постоянно анализируя французскую философскую, политическую и правовую литературу, Градовский отдавал все же предпочтение немецкой версии модернизации правовой и политической систем и, соответственно, варианту синтеза римской правовой традиции с германским обычным правом. В частности, из всех многообразных направлений юридической мысли наибольшее влияние на формирование социальной философии Градовского (помимо непосредственного влияния традиции римского права) оказали, на наш взгляд, те споры в Германии, которые происходили между сторонниками философии права Гегеля и исторической школы права. Другим важнейшим источником являются находившиеся в период его жизни только на стадии формирования научная антропология и социология (в том числе постепенно выделявшаяся из последней социология права), продолжавшие в тот период сохранять связь со старой философско-правовой традицией.

В XIX в. западноевропейская юриспруденция еще не отказалась от имперских претензий на статус «истинной философии» в качестве основы подлинной общественной науки. С середины XVIII в. до первой четверти XIX в. продолжалась публикация юридических энциклопедий, как бы подтверждавших эту претензию. В целом юридические энциклопедии имели ряд общих черт с философскими системами, включая систему Гегеля, также претендовавшую на энциклопедический статус. Существенным отличием стала, однако, та традиционная связь, которую юридические энциклопедии сохранили с традиционными течениями общественной мысли с их противоречиями и идеологическими ориентациями.

На этом фоне концепция германской исторической школы права действительно представлялась «великим прорывом». Эта школа была в такой же мере постреволюционным, в какой и антиреволюционным феноменом. Ее идеи, представленные, в первую очередь, в учении К.Ф. Сави-

нии (коллеги и соперника Гегеля в Берлинском университете), быстро распространились в Западной Европе. Для Савиньи «позитивный закон» является продуктом истории, его субъектом является народ. Такая позиция не была ни сентиментальной, ни идеалистической. В фундаментальном смысле учение Савиньи представляло собой как апологию превосходства закона над претензиями монархов, так и защиту научных принципов от различных «философских» подходов к интерпретации права.

В противоположность Савиньи Гегель продолжал отстаивать традиционную идею, согласно которой право является составной частью моральной философии. Соединяя практический разум и философскую антропологию, Гегель в своей философии права решительно выступил против амбиций юристов, претендовавших на монополию в области европейской юриспруденции путем ссылки на то, что она является структурным элементом более обширного наследия европейской философии и считавших себя вправе на этом основании эксплуатировать старую философскую традицию.

Примечательной чертой гегелевской философии права и философии политики было глубокое понимание социальной обусловленности всех форм общественного сознания. Единство философского и социального лучше всего раскрывается в знаменитом гегелевском афоризме — все, что разумно, действительно и все, что действительно, разумно. Увлечение социальным вообще было характерно для послереволюционной Европы, но никогда до Фихте и Гегеля не возникало столь систематичных попыток изучить взаимодействие духа и общества (*Geist und Gesellschaft*).

Из новых направлений в антропологии наиболее перспективным Градовскому представлялось единство метода исследования быта древних народов, свойственного возникшей этнологии, с новой методологией исторического исследования, которое было представлено в работах английского ученого Г.С. Мэна. Как и Савиньи, Мэн стремился преимущественно к примирению (интеллектуально и практически) общества и права. При этом он отвергал утилитаристскую трактовку права (Д. Бентам и Д. Остин) как простое распоряжение и обязательство, поскольку она была совершенно не применима к ранним периодам истории, когда право имело, скорее, характер обычая или «привычки». Как и другие почитатели исторической школы права, Мэн склонялся к идеям первобытного коммунизма, иллюстрацией которого для древних эпох была сельская община и вера в тот факт, что древнее право почти ничего не знает об индивидуальности, а категории «лица» и «вещей» с трудом отличаются друг от друга.

По этому же пути шли и некоторые представители бурно развивавшейся во второй половине XIX в. социологии. Разумеется, и для этой науки был характерен сложившийся под влиянием дарвинизма упрощенный сциентизм, порождавший у ее представителей (как прежде у юристов) «империалистические мечты» измерять и непосредственно управлять обществом. Подобно старой юриспруденции, социология претендовала на научный статус, исходя из представления о собственной

универсальности, сохранив в то же самое время многие элементы юридической терминологии и способов мышления.

В социальной философии Градовского все эти аспекты новой антропологии и новых социологических методов получили оригинальное развитие. Он безусловно придерживался того взгляда, что юридическая традиция действительно может рассматриваться как образец социального знания, в рамках которого понятия и концепции должны быть поняты в самой системе права. Для него понятие «обычай» было неотделимо от социального и культурного контекстов и, прежде всего, специфических социальных интересов. Градовский развивал ту же концепцию, истоки которой восходят к Монтескье, вследствие чего имя этого замечательного французского мыслителя по праву стоит в ряду основателей современного социологического знания. Следуя линии Монтескье, Градовский в своей философии успешно избегал ловушки, в которую нередко попадали ученые последующих поколений, навлекая на себя огонь критики, суть которой состояла в том, что их концепция права представляет собой лишь разновидность «юридической идеологии» как формы ложного сознания.

Стремление Градовского к творческому синтезу русской и западно-европейской традиции при разработке методологии социального анализа, пожалуй, проявилось с наибольшей силой в его «философии национальности», центральной идеей которой является идея «национально-прогрессивного государства», которая, в свою очередь, неотделима от ясно выраженной в его творчестве концепции прогресса.

По Градовскому, законом развития всегда является прогресс общества. Наука о государстве и рассматриваемые ею позитивные законы имеют задачу готовить народ для политической практики и воспитывать его в направлении прогресса. В этом понимании воспитательных задач науки о государстве Градовский не отличается от большинства русских мыслителей своего времени. Характеризуя эпоху, в которой проходила деятельность Градовского, Д.И. Чижевский пишет: «С шестидесятых годов начался новый отрезок русской духовной истории. Она отмечена не столько политическим радикализмом трех последующих десятилетий (1860-1890), сколько просветительским характером различных господствующих мирозерцаний... Вероятно, никогда в течение всего периода нового времени просвещение не выступало на арену столь последовательно и безусловно. К тому же доминировала слепая вера в прогресс. Дальнейшими следствиями распространения просвещения были всеобщее убеждение в том, что не существует ничего, исполненного тайны, а также недостаток в понимании эмоционально окрашенных ценностей, прежде всего, эстетических и религиозных и, наконец, полная слепота в постижении идеального бытия, а затем и несомненное отторжение от философии» [8, S. 299]. Хотя Градовский и не подходит под такого рода характеристику, вера в прогресс в его работах была достаточно сильно выражена. В объемной рецензии (по существу, небольшой монографии!) на двухтомную работу Ф. Бюше «Трактат по политической и социальной

науке» [43], имевшей название «Государство и прогресс», он сам указывает на ряд своих духовных предшественников — от Кондорсе до Сен-Симона [1, т. III, с. 27], постепенно и вполне сознательно отклоняясь в дальнейшем в сторону ученика Бюше — О. Конта. С определенными оговорками можно также согласиться с утверждением Д. Чижевского и некоторых других исследователей, что Градовский был «гегельянцем» [42, S. 348]. Основанием для такого утверждения можно считать упомянутую Чижевским работу Градовского 1870 г. о гегелевской «Философии права»*, которая является не более, чем кратким рассмотрением ее основ, «с тем чтобы каждый, прочитав подобную статью, мог получить удовлетворительное понятие о том, что и на каком философском основании сказал известный мыслитель» [1, т. III, с. 271] и предназначена была для студентов. Однако нельзя не признать, что в его рассуждениях о государстве достаточно четко прослеживается влияние Гегеля. Так, например, в духе гегелевской философии права государство определяется как «продукт сознавшего себя духа, продукт народного самосознания», «действительность идеи воли, действительность конкретной свободы». Эти признаки государства объединяются постулатом единства цели: «... государство... есть само по себе цель. Эта цель есть абсолютная, неподвижная и конечная цель, в которой свобода достигает высочайшего своего права» [Там же, с. 298]. Кроме того, в отличие от многих других авторов, Градовский склоняется к расширительной трактовке формулы Гегеля о конституционной монархии как форме власти, «которая может получить самое разнообразное содержание» [Там же, с. 303]. Следует отметить, что влияние гегелевской философии на концепцию Градовского в начальный период его творческой деятельности сменяется впоследствии тенденцией, окрашенной позитивизмом. Впрочем, эта окраска была довольно слабой. Назвав свою статью «Политическая философия Гегеля», русский ученый во многих формулировках, связанных с определением понятия «государство», нередко примыкает к концепции государства Л. Штейна, обнаруживая тем самым политическую тенденцию собственного социально-философского анализа.

Прогресс, по Градовскому, осуществляется через постоянное обособление, дифференциацию общественного организма**, пока, наконец, нация не достигает высшей точки своего развития — государства. В этом более позднем продукте истории все предшествующие виды власти находят свое воплощение. Именно в нем власть обретает свое идеальное значение. Очевидно, что как в понятии «последующего», так и в понятии «снятого бытия» вновь заметно влияние Гегеля. Одновременно Градовский постоянно, в духе господствующей в то время теории государ-

* «Политическая философия Гегеля» [1, т. III, с. 271–310]. Этой статьей, как видно из примечания к ней, сделанного самим автором, должен был начаться ряд статей, в которых Градовский хотел дать краткое, но по возможности полное воспроизведение систем величайших мыслителей (Канта, Фихте, Гегеля, Конта и др.). К сожалению, ему не пришлось опубликовать обещанного ряда статей и неизвестно, были ли они им написаны.

** В этом просматривается главная мысль Г. Спенсера, см. [44, S. 271–281].

ства, использует понятие «организм» для обозначения общества, дифференцированного в государстве.

Как уже отмечалось выше, широко распространенным направлением правовой мысли второй половины XIX столетия стал юридический позитивизм. Представители этого направления отвергали проблему сущностей и ценностей государства и права как метафизическую и метанаучную, ограничивались анализом, систематизацией и классификацией политико-правовых явлений, используя приемы, сходные с описательными приемами естественных наук. Под влиянием юридического мировоззрения, позитивизма ученые-теоретики занимались преимущественно анализом правового аспекта государства, выработав так называемое юридическое понятие государства. Так, например, один из первых представителей юридической теории государства К. Гербер определял его как правовую форму для совокупной жизни народа, которая, по его мнению, «принадлежит к первоначальным и очевидным типам нравственного порядка человечества». В государстве, считал он, народ возвышается до осознания своей правовой целостности и воли. С этой точки зрения государство является юридической личностью [45, S. 1–2, 219]. Другой известный представитель юридического позитивизма в германском государствоведении П. Лабанд в своем курсе «Государственное право Германской империи» рассматривал государство как юридическую организацию народа или как юридическую персонификацию народного общества [46, S. 50–85].

Выступая с обоснованием особой юридической природы государства, сторонники данного направления считали, что «государство как юридическое понятие должно оставаться в полной изоляции от других социальных явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности». Только такое самоограничение, утверждал Гербер, может дать успешный научный результат [45, S. 215, 219]. Таким образом, теория государства превращалась в замкнутую формально-логическую систему понятий. Установить юридическую природу государства, заявляли сторонники юридического позитивизма, — значит указать, как следует определять понятие «государство», под какую основную юридическую категорию его подвести, придав ему такую юридическую конструкцию, которая без какого-либо противоречия охватывала бы все юридические отношения государства [47, с. 40].

Юридическая теория государства имела своих сторонников и в России. Русская школа юридического позитивизма сформировалась к началу 1880-х годов XIX столетия [48, с. 116–120] и была представлена, помимо А.Д. Градовского, именами таких выдающихся ученых как С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, В.И. Сергеевич, А.С. Алексеев и др. А.С. Алексеев, например, видел задачу юридической науки в изучении государства лишь в плане правовых связей, которые, по его мнению, и составляют подлинную природу государства и государственной власти [49, с. 5]. Сторонники этой школы вслед за представителями философского позитивизма утверждали, что науке доступны только явления, а исследование при-

чин, порождающих явления, теоретически невозможно. В работах юридических позитивистов правовая наука выступает как чисто внешнее описание права, юридическая форма общественных явлений рассматривается как самодовлеющая категория [48, с. 116–118].

В свою очередь, социологический позитивизм, в противоположность юридическому, выдвигал свою концепцию государства и права. Опираясь на социальную философию Конта, Милля, Спенсера, его представители полагали, что юридическое определение государства является фикцией и рассматривали его как опытный факт властвования в связи со всей общественной жизнью. Несмотря на существенные отличия, юридические и социологические теории государства имели ряд общих черт, вытекавших из их общей философской позиции — позитивизма. Именно эта общая философская основа, а также безграничная вера в прогресс и объясняют причину выхода Градовского за рамки чисто юридического рассмотрения природы государства. Наряду с юридическим он повсеместно использует исторический, социологический и философский подходы. Так, например, он постоянно утверждал, что при изучении юридической системы государственных учреждений как Запада, так и России необходимо учитывать общие условия политической, национальной, духовной и экономической жизни этих народов: только «такое изучение будет более полным и жизненным» [1, т. IV, V]. И действительно, его работы содержат обширные историко-политические, социально-экономические и философские материалы. В целом же именно используемый Градовским методологический подход и придает его социально-политической философии тот своеобразный характер, прослеживаемый, в первую очередь, при рассмотрении природы государства и той роли, которую оно играет в общественном прогрессе.

Оценка роли государства как фактора, определяющего пути общественного развития, дана Градовским в его анализе самого понятия государства. Определение сущности государства, содержащееся в правовой литературе прошлых времен, представляется ему недостаточно обоснованным прежде всего из-за отсутствия историзма в подходе к государству как социальному феномену. Сам Градовский полагал, что государство подчинено условиям пространства и времени; от этих условий зависит каждая данная его форма. Как и всякое историческое явление, государство подчинено «условиям развития, законам прогресса». Каждой стадии общественного развития («каждому данному состоянию общества») должна соответствовать пригодная для этой стадии форма государства [1, т. I, с. 28–29, 31]. Таким образом, в «отрицании абсолютного (т.е. ни одна из форм государства не может быть воплощением абсолютной истины. — *В. Г., И. Г.*) и признании прогресса» он видел «первое начало современной политической философии» [Там же, с. 31].

Градовский соглашается с мыслью Л. Штейна о том, что «если искание лучших форм правления было отличительной чертой XVIII столетия, искание лучших способов управления — отличительный признак XIX-го» [Там же, с. 32]. Именно все эти обстоятельства приводят Градовского

к необходимости связывать идею государственности «с живыми элементами каждой общественности» [1, т. I, с. 7] и в самой этой идее выявлять истинное, жизненное начало, воздействующее на прогресс общества. «Первым, основным, неоспоримым элементом каждого государства, — подчеркивает Градовский, — является власть и власть не в смысле учреждений, а в смысле могущества, присвоенного государству» [Там же]. Под властью он подразумевает не внешнее ее проявление в форме той или иной организации, а именно всемогущество государства, идею государственного абсолютизма, безотносительно к его форме. Именно такая идея, по его мнению, составляет один из необходимых признаков государства, без которых оно просто немыслимо. Поскольку государство является сильнейшим авторитетом в обществе, то представить себе его без власти — равносильно предположению об анархии. Рассматривая таким образом государство как отдельный, вне общества стоящий организм управления, Градовский стремится найти его оправдание в нем самом: «Абсолютное его могущество простирается на все без исключения и требует себе полного подчинения. Абсолютность есть, так сказать, его природа» [Там же, с. 8]. Примечательно, что могущество это он связывает с отношениями собственности; власть и собственность являются для него тем стержнем, через понимание которого становится возможным исследование конкретно-исторических форм социальных институтов, сословий и многообразных сфер общественной жизни.

В общем, Градовский относился к государству не как к вечному и неизменному историческому институту, а рассматривал его как определенный этап развития социальных отношений. Для него семья и собственность — это институты, возникающие до образования государства, которое образуется на их основе. Постепенно, считает он, из понятия собственности, церкви, семьи, общины образуется понятие государственной власти. Дальнейшая эволюция связывается им с определенным состоянием общественного сознания, когда появляется идея государственности вообще. Так как государство складывается из суммы организаций, совокупности властей разного рода, существовавших прежде в обществе, то идея власти тем самым переносится в высшую сферу, а вместе с тем расширяется и сам круг человеческих отношений. Человек, ограниченный прежде рамками семьи, рода, общины, начинает осознавать себя членом обширного великого целого; его узкие симпатии и антипатии постоянно расширяются и из совокупности их образуется живое и могущественное чувство национальности.

Во второй половине XIX в. национальный вопрос как бы спонтанно выдвинулся в центр общественно-политической жизни и мировой политики. Быстрое и победоносное объединение Германии вслед за объединением Италии, а также блестящий успех политики Бисмарка представлялись Градовскому практическим воплощением того внутреннего идейного спора, который он всегда вел с идеями Гегеля и Фихте (см. [1, т. III, с. 271–310; т. VI, с. 107–159]). Все эти обстоятельства, а также глубокое понимание того, какое значение имеют национальные проблемы для будущего России, побуждают русского ученого с 1871 г. к самостоятельному исследованию

дованию национального вопроса. В последующие два года осмысление этого вопроса в контексте политической мысли XIX в. выдвигается в его работах на передний план. В 1872 г. им были написаны две работы — «Современные воззрения на государство и национальность» [1, т. VI, с. 28–106] и «Государство и народность» [Там же, с. 7–27], а также прочитаны четыре лекции под общим названием «Первые славянофилы» [Там же, с. 160–224]. Вместе с небольшим очерком, посвященным Гегелю, эти работы по национальному вопросу вошли в опубликованный в 1873 г. сборник «Национальный вопрос в истории и литературе» [50].

До тех пор пока антропология, лингвистика и историческая наука XIX в., равно как антинаполеоновские освободительные войны, борьба за национальное единство Греции, Италии и Германии не привлекли всеобщего внимания к национальной идее в науке, философии и политической практике, «человечество» рассматривалось как бесформенная масса «индивидов». Градовский специально отмечает, что эти, заимствованные у Канта*, формулировки, будучи отражением политической теории эпохи Просвещения, при ближайшем рассмотрении являются настолько же обусловленными своим временем и преодоленными исторически, насколько необходимо теперь пересмотр представлений о государстве сквозь призму национальных принципов. В работах Градовского мы не встречаем попытки исследовать истоки представлений о национальности в западноевропейской философской мысли, например, влияние философии Гердера на определение понятия «народ» и на национальную проблематику вообще [52, S. 35; 55, S. 171]. По всей вероятности, это связано с приоритетностью акцентов и самим методом исследования столь животрепещущей проблемы. Этот метод вытекает, как полагал Градовский, из факта признания в народе нравственной и свободной «личности», имеющей право на самостоятельную историю, следовательно на свое государство. Данные философско-политические доводы Градовский подкрепляет выводами естественных, гуманитарных и общественных наук, активно развивавшихся в XIX в. Переход науки о государстве от абстрактных философских доктрин к позитивному методу означал определенный разрыв традиции. Это означало появление новых теорий государства. Следуя этому направлению в науке Градовский смог выработать свою теорию национального государства, увидеть в народности истинную основу каждого государства. В противоположность абстрактной государственной идее, в той форме, как она была представлена в германском государствоведении, например, П. Лабандом [54], он рассматривает проблемы реального национального государства. Эти принципы он противопоставлял «метафизическому космополитизму» с его теорией всемирного гражданства, поскольку ясно понимал политические последствия этой теории, неизбежно ведущие к постулату «всемирного государства»; для Градовского это означало «акт насилия, уничтожение народной индивидуальности». Объектом государственной политики, отмечал он, является жизнь определенного народа в

* «Государство (civitas), — отмечал Кант, — это объединение множества людей под [эгидой] правовых законов» [51, S. 313].

полном ее объеме. Поэтому государство должно стать орудием прогресса в той же самой мере, что и личная инициатива [1, т. VI, с. 5]. Этот прогресс он видел не в увеличивающейся сложности государственных форм и не в изменении функций государственного аппарата, а в «возрождении духовных сил народа», в усилении его самосознания и обновлении его идеалов [Там же; 10, с. 164 сл.]. Рассматривая теорию национально-прогрессивного государства как единственное спасительное средство против анархистских теорий, ставящих государство под вопрос, он во многом опирался на труды И.Г. Фихте [56, S. 257–516].

Для Градовского заслуга Фихте, прежде всего, заключалась в том, что он сумел возвести вопрос о национальности в степень вопроса философов и сделать из понятия национальности принцип философии истории [1, т. VI, с. 108]. Он указал германскому народу на живые источники его национального развития, творчества и силы в будущем. Эта деятельность Фихте была особенно близка Градовскому, так как многое из того, чего желал немецкий философ для Германии, необходимо, по его мнению, и для России. Величие Фихте проявилось также и в том, что он поставил национальный вопрос не в «грубой нефилософской форме», отделяющей нацию от мирового сообщества народов [53, S. 37 sq.]. Поэтому, рассматривая нацию (национальность) с философско-исторической точки зрения как организм, как живую коллективную личность, которая вместе и наряду с равными себе личностями, являясь элементом всеобщей цивилизации, вносит свой собственный вклад в многообразие человеческой культуры (именно такая национальность может быть названа «народностью»), Градовский был убежден в том, что развивает философию Фихте.

В своей философии национальности Градовский пытается определить те условия, которые необходимы для осуществления присущего каждой нации творчества посредством внутренней политической, культурной и общественной деятельности. В ней содержится призыв к каждому народу дать человечеству то, что скрыто в силах его духовно-нравственной природы. «Народное творчество, — утверждает он, — вот последняя цель, указываемая наукой каждому племени, — цель, без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого. Убить творческую силу народа — все равно, что убить силу личной предприимчивости в неделимом» [1, т. VI, с. 110].

Противопоставляя национальную идею метафизическому «космополитизму» [Там же, с. 229]* и теории индивидуализма, Градовский под-

* А.Д. Градовский, критикуя идею «космополитизма», отмечает, что все возражения ее сторонников направлены прежде всего против самого принципа народности и применения его к государству. Исходя из того, что прогресс и мир человечества зависят от уничтожения самобытности нации, они утверждали, что «цель цивилизации состоит именно в том, чтобы сгладить все различия между нациями и слить их в организме человечества» [1, т. VI, с. 19]. Доказывая несостоятельность этих теорий, он считал их противоположными, потому что «исходя... из высших требований жизни, они думают убить сам принцип жизни, субъективную независимость, свободу...» [Там же, с. 20].

черкивает ту положительную роль, которую последняя может играть в государственной политике. Предметом государственной политики, отмечает он, является «жизнь определенного народа, во всем ее объеме, и вот почему государство должно быть таким же орудием прогресса, как и личная предприимчивость» [1, т. VI, с. 5]. Важно отметить, что ранее разработанная Градовским концепция о соотношении государства и прогресса сохраняет свое значение и в его теории национального государства. Соединение трех центральных для его социально-политической философии понятий «государства, прогресса и национальности» в единую структурно-логическую схему создает в конечном итоге основу для его концепции «национально-прогрессивного государства». Именно эта концепция способна, на его взгляд, противостоять учениям, которые принято называть «разрушительными» [Там же, с. 5, 90]. В ней признается солидарность, неразрывность всех элементов политической народности — как правительственных, так и общественных. В ее структуре личность и государство, общество и государство не противопоставляются в качестве враждебных и исключаящих друг друга элементов. Наконец, согласно такому представлению, условия народного прогресса заключаются не в той или другой комбинации государственных форм, не в том или другом сочетании частей государственного механизма, а в «возрождении духовных сил народа, в его самосознании и обновлении его идеалов» [Там же, с. 5–6]. Таких идей придерживались Фихте, видевший спасение Германии в народном воспитании, славянофилы, питавшие надежду на возрождение России от пробуждения в обществе известных нравственных начал.

Таковы основные послышки философии национальности Градовского, центральной идеей которой является идея «национально-прогрессивного государства». Определяя основание и роль национального вопроса в современной ему политической жизни, он всегда придавал большое значение приобретению европейскими государствами более свободных политических форм, утверждению у них начала равноправия, развитию просвещения, усилению самостоятельности общества и его участию в политических делах, поскольку это напрямую связано с укреплением понимания каждым обществом своих индивидуальных особенностей, «осознания себя как нравственной личности среди других народов...» [Там же, с. 3].

Основу национального вопроса, по Градовскому, следует искать прежде всего в условиях культурного развития каждого народа. Каждая естественная народность может быть представлена как некая собирательная личность, отличающаяся от других особенностями своего характера, нравственных и интеллектуальных способностей, а потому имеющая право на независимое существование и развитие. В этом разнообразии национальных особенностей заключается коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации, поскольку однообразие культурных форм противоречит всем условиям человеческого прогресса. «Наука, — отмечал он, — не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том

смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждого народа становятся достоянием всех других» [1, т. VI, с. 14–15].

Все отмеченные выше особенности методологии Градовского вполне рельефно показывают, какую роль при анализе общественных явлений и процессов играла рождающаяся на его глазах социологическая наука. Как уже отмечалось выше, в своих сочинениях Градовский использует понятие «общество» далеко не всегда однозначно. В ранней публицистике он часто пользуется этим понятием в общеупотребительном узком смысле, который ограничивает общество представителями образованных и влиятельных кругов народа, противопоставляя их таким образом остальной «народной массе». Однако уже в то время Градовский, опираясь на Р. Гнейста и Л. Штейна, использует это понятие в идущем от Гегеля всеохватывающем смысле, т.е. как эквивалент гражданского общества. В рецензии на трактат Ф. Бюше, которого он называет христианским сен-симонистом, понятие «общество» получает уже научное осмысление. Со времени усвоения Градовским теории трех стадий О. Конта он пользуется этим понятием в общепринятом тогда социологическом смысле. Появившееся позднее в немецкой научной и философской литературе различие между обществом (*Gesellschaft*) и сообществом, общностью (*Gemeinschaft*) остались для него чуждыми. Равным образом, подобно другим либералам, он редко прибегал к широко распространенному в России противопоставлению интеллигенции и народа.

В большой рецензии на новое издание книги одного из наиболее выдающихся теоретиков европейского либерализма Б. Констана «Курс конституционной политики» Градовский усматривал в недостаточной солидарности различных общественных групп во Франции основную причину политического кризиса в этом государстве, длящегося на протяжении жизни трех поколений. Результатом этого кризиса было, по его мнению, недостаточное развитие личной свободы французов [1, т. III, 258 сл.]. Он полагал, что в России сильнее, чем во Франции, поднимается одновременно движение всех классов общества [Там же, с. 260], создавая предпосылку для реализации идеального государственного устройства, смешанной конституции, сочетающей монархические, аристократические и народные (демократические) элементы, т.е. проекта, который в древности отстаивал Цицерон. Если для Франции Градовский прогнозировал военную диктатуру, в России он указывал на планомерно создаваемое «сверху» «земское государство» с гармоничной структурой составляющих его общественных элементов.

Поскольку Градовский и прежде рассматривал вопрос о социальной структуре и ее изменениях как важнейшей части национального вопроса, но ограничивался тем, что указывал на народное сознание как на единство всех слоев и групп, в 1879 и 1880 гг. он стал обращаться в своей публицистической деятельности к анализу политической роли действующих в обществе враждебных друг другу группировок и их идеологических ориентаций. В рамках этого анализа Градовский отвергает про-

тивопоставление понятий «консервативный» и «либеральный». Либерализм он определяет как определенную теорию структур государства, форм и границ его деятельности [1, т. III, с. 314]. В этом смысле ему противопоставлены понятия «абсолютизм» и «гуверnementализм». «Консерваторов» Градовский рассматривает в их понятийном противопоставлении «прогрессистам». Оба направления имеют различные представления о «самом процессе перехода», посредством которого государство в своей истории изменяет формы и характер управления [Там же, с. 315]. На исторических примерах он показывает, как абсолютист может быть прогрессистом, подобно Бодену, и как либерал может стать консерватором, например, в своей политике против социалистов.

Принципиальное различие двух направлений Градовский обосновывает в следующей форме: когда консерватор стремится связать прошлое с настоящим, прогрессист думает о связи настоящего с будущим [Там же, с. 317]. «Капитализация» и «обновление» всех традиций объединяют оба направления. И это объединение в основах он рассматривает как более важное по сравнению с тем, что их разъединяет: как и консерваторы, прогрессисты также полагают, что люди со временем меняются и что для новых времен необходимы новые учреждения. Консерваторы и прогрессисты сходятся в том, что они в равной степени стоят на почве исторического развития народа [Там же]. Поэтому обе силы и их компромисс, достигаемый часто после упорной борьбы, приносит, как свидетельствует английская история, пользу и обществу, и государству. Во имя обоих основополагающих условий — нормального и исторического роста — трудятся две нормальные общественные партии — прогрессивная и консервативная [Там же, с. 323]. Они являются нормальными потому, что следуют «природе», которая показывает жизнь в постоянном изменении.

В чем же заключается актуальность того направления социальной мысли, которое А.Д. Градовский столь достойно представлял и защищал? В 1962 г. один из наиболее выдающихся представителей современного либерализма Л. фон Мизес отмечал в предисловии к англоязычному изданию своей всемирно известной книги «Либерализм в классической традиции» (1927): «Те, кто знаком с сочинениями по вопросу о либерализме, которые появились в последние несколько лет, а также с современным лингвистическим словоупотреблением, может быть, заметят следующее: то, что называется либерализмом в настоящем труде, не совпадает с тем, что подразумевается под этим термином в современной политической литературе» [56, Р. 198]. В предисловии к новейшему изданию книги фон Мизеса его автор Б. Гривс приводит, в частности, характеристику современного либерала, данную сенатором конгресса США Д. Кларком: «Чтобы избавиться от призрака и перестать думать о семантике, либералом... считается тот, кто верит в использование всей силы правительства для прогресса социальной, политической и экономической справедливости на муниципальном, государственном, национальном и международном уровнях... Либерал верит, что правительство является подходящим орудием, кото-

рое надо использовать для развития общества, стремящегося придать христианским принципам поведения практический эффект» [56, Р. V]. Комментируя многочисленные определения такого рода, уже давно вошедшие в обиход, сам Л. фон Мизес вполне справедливо отмечал: «Пожалуй, удивительно, что подобные идеи в этой стране (США — *В.Г., И.Г.*) рассматриваются как специфически американские, как продолжение принципов и философии отцов-пилигримов, тех, кто подписал Декларацию независимости, авторов конституции и "Статей федералиста". Только немногие люди понимают, что эта будто бы прогрессивная политика родилась в Европе и что наиболее блестящим ее сторонником в девятнадцатом веке был Бисмарк, политику которого ни один американец не назвал бы ни прогрессивной, ни либеральной. Бисмарковская Sozialpolitik была освящена в 1881 г., более, чем за пятьдесят лет до ее воспроизведения в "новом курсе" Ф.Д. Рузвельта. Следуя за пробудившейся Германской империей — тогда наиболее могущественной державой — все европейские промышленные нации в большей или меньшей степени приняли систему, которая претендовала на то, чтобы облагодетельствовать массы за счет меньшинства «суровых индивидуалистов». Поколение, которое достигло возраста, разрешающего принимать участие в голосовании, после окончания первой мировой войны принимало этатизм как нечто само собой разумеющееся и испытывал только презрение к "буржуазному предрассудку" — свободе» [Ibid., Р. XVII].

Нетрудно заметить, что концепция либерализма, возникшая в Западной Европе в 80-е гг. XIX в. и восторжествовавшая во всем цивилизованном мире в начале XX в., является совершенно идентичной той, которую А.Д. Градовский развивал на протяжении всех лет своей недолгой жизни. Однако если бы он дожил до окончания первой мировой войны, то, безусловно, испытал бы двойственное чувство: с одной стороны, разработанная им концепция национально-прогрессивного государства оказалась действенной, чрезвычайно реалистичной и отвечающей мироощущению нового поколения европейцев и американцев, но, с другой стороны, — эта концепция оказалась полностью отброшенной в России к началу XX в. Стремление русского ученого и философа к эволюционному пути развития с опорой на реформированную в духе конституционализма российскую монархию встречало мало сочувствия как у радикальных монархистов, так и у радикал-либералов, не говоря уже о социалистах различных направлений. Для таких идеологов монархизма как Л.А. Тихомиров философия Градовского была слишком либеральна, для теоретиков и политиков типа П.Н. Милюкова она была слишком консервативна. Именно эти специфические обстоятельства, породившие идеологический раскол среди представителей либерального и консервативного лагеря, стали прелюдией к революционной буре, которая смела и тех, и других. Только оказавшись в эмиграции русские политические мыслители, например, П.Б. Струве, постепенно стали возвращаться к традиции русского либерального консерватизма, основанной Чичериным и Градовским.

Восторжествует ли эта традиция в России в недалеком будущем? Ответ на этот вопрос может дать только Время.

Литература

1. Собрание сочинений А.Д. Градовского / Под. ред. А.А. Шахматова, Ф.А. - Вальтера совм. с Л.З. Слонимским: В 9-ти т. СПб., 1899–1904; Т. 7–9. СПб., 1907–1908.
2. Кареев Н. Введение в изучение социологии. 2-е изд. СПб., 1907.
3. Ковалевский М. Современные социологи. СПб., 1905.
4. Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
5. Осипов И.Д. Философия русского либерализма: XIX — начало XX в. СПб., 1996.
6. Замалеев А.Ф. Градовский как государствовед // Градовский А.Д. Сочинения / Под. ред. А.Ф. Замалеева. СПб., 2001.
7. Веуме К. von. Politische Soziologie im zaristischen Russland. Wiesbaden, 1965.
8. Tschizewskij D. Hegel in Russland // Hegel bei den Slaven / Hrsg. v. D. Tschizewskij. Bad Homburg, 1961.
9. Utechin S.V. Russian Political Thought: A Concise History. N.Y., 1963.
10. Глинский Б.Б. Александр Дмитриевич Градовский: (Опыт характеристики) // Исторический вестник. 1890. Т. XXXIX. Янв.
11. Philipp W. Russlands Aufstieg zur Weltmacht 1815–1917 // Historia Mundi. Bd. 10. Bern, 1961.
12. Шахматов А.А. Краткий очерк жизни и деятельности А.Д. Градовского // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 9. СПб., 1904.
13. Коркунов Н.М. А.Д. Градовский // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894. Т. 1. СПб., 1896.
14. Андреевский И.Е. Воспоминания об А.Д. Градовском // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 1.
15. Кони А.Ф. Воспоминания об А.Д. Градовском // Памяти А.Д. Градовского / Изд. юрид. общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1890.
16. Градовский А.Д. Русская ученая литература: «О народном представительстве. Соч. Б.Н. Чичерина. М., 1866» // Русский вестник. 1867. Авг., сент.
17. Vuchez F. Traité de politique et de science sociale. 2 vol. Paris. 1866 // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ноябрь, дек.
18. Градовский А.Д. Политика, история и администрация: Критические и полемические статьи. СПб.; М., 1871.
19. Градовский А.Д. По поводу пересмотра наших законов о печати // Судебный вестник. 1869.
20. Голос. 1878–1883.
21. Победоносцев К. Литературное наследство. Т. 15. М., 1934.
22. Красный архив. 1922. № 2.
23. Русская речь. 1880.
24. Градовский А.Д. О свободе русской печати: Посмертное изд. / Под ред. А.А. Шахматова. СПб., 1905.
25. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XXVI. Л., 1984.
26. Дневник писателя. 1880. Август.
27. Литературное наследство. Т. 86. М., 1973.
28. Новое время. 1880. 26 июня.
29. Миллер О.Ф. Пушкинский вопрос // Русская мысль. 1880. № 12.
30. Кавелин К.Д. Письмо Ф.М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. Ноябрь.

31. Михайловский Н.К. Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 9.
32. Михайловский Н.К. Записки современника // Отечественные записки. 1881. № 2.
33. Bernath M. Die Suedslawen // Die Welt der Slawen. Bd. 1: Die West — und Suedslawen / Hrsg. v. H. Kohn. Frankfurt/Main, 1960.
34. Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903.
35. Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. М., 1923.
36. Свешников М.И. А.Д. Градовский на кафедре государственного права иностранных держав // Памяти А.Д. Градовского / Изд. юрид. общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1890.
37. Санкт-Петербургские ведомости. 1889. 7 нояб.
38. Очерки истории исторической науки в СССР: В 4-х т. М., 1955–1966.
39. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII, т. 13–14. М.
40. Tocqueville A. de De la démocratie en Amerique. Vol. 1–4. Paris, 1840.
41. Fetscher L. Rousseaus politische Philosophie: Zur Geschichte des demokratischen Freiheitsbegriffs. Neuwied, 1960.
42. Roehrs H. Jean-Jacques Rousseau: Vision und Wirklichkeit. Heidelberg, 1966.
43. Buchez F. Traité de politique et de science sociale. Paris, 1866.
44. Del Vecchio. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Basel, 1951.
45. Gerber C.F. v. Grundzuege eines Systems des deutschen Staatsrechts. 2. Aufl. Berlin, 1869.
46. Laband P. Das Staatsrecht des deutschen Reichs. Bd. 1. 3. Aufl. Tübingen, 1895.
47. Рождественский А. Теория субъективных публичных прав. М., 1913.
48. Пяткина С.А. О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. 1964. № 4.
49. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1894.
50. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873.
51. Kant I. Metaphysische Anfangsgruende der Rechtslehre (1797) § 45 // Kant I. Werke. Bd. 9. Berlin; Leipzig, 1914.
52. Meinecke F. Weltbuergertum und Nationalstaat / Hrsg. und eingel. v. H. Herzfeld. Muenchen, 1962.
53. Lemberg E. Nationalismus. Bd. 1: Psychologie und Geschichte. Reinbek bei Hamburg, 1964. sq.
54. Laband P. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Bd. 1–3. Freiburg; Br. Tübingen, 1876–1882.
55. Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation (1808) // Fichte J.G. Saemtliche Werke / Hrsg. v. J.H. Fichte. Bd. 7. Berlin, 1846 (Nachdruck, 1965) .
56. Mises L. v. Liberalism in the Classical Tradition. N.Y., 1985.